

## Доклад 2.

### Исповедание веры в квантовую эпоху

---

**Антон Витальевич Беликов**

Кандидат философских наук, художник,  
куратор проекта «После Иконы».

---

Я бы сразу хотел предупредить, что то, что сейчас буду говорить, это как бы незавершенная мысль, которая скорее состоит из вопросов, чем из ответов, поэтому я прошу слушать и это учитывать. Итак, начнем с цитаты.

«Кажется вероятным, что большинство основных принципов уже твердо установлены и что будущее продвижение вперед следует искать в основном строгом применении этих принципов ко всем явлениям, которые обращают на себя наше внимание. Будущее истинной физики видно в шестом знаке после запятой» (Альберт Майкельсон).

Вот это уверенность в научной истине и в том, что наука как метод позволяет с высокой точностью условно предсказывать события в будущем и объяснять уже произошедшее. Но это какая-то такая отличительная черта всей Западной цивилизации, к которой я, по сути, отношу и Россию тоже.

Но что же мы имеем сейчас? Ситуацию, которая очень похожа на то, что было в начале XX века, то есть сто лет назад, когда позитивистская парадигма тоже объясняла почти все, а потом вдруг произошло нечто, что полностью все поменяло. Начиная от Эйнштейна и Фрейда и заканчивая пулеметом «Максим». Да вот к чему это я? Да к тому, что мы, живущие сегодня в своих рассуждениях в своей логике, исходим из двух больших уверенностей: одна из них – это уверенность в бытии, а вторая – уверенность в небытии.

Нам кажется, что существование очевидно, что мы с уверенностью говорим: «Вот это существует, это существует, это существовало, но больше не существует и так далее». Собственно, вот эта вот уверенность в очевидности существования – она, по сути, имеет такую научную природу. Но что такое наука? Да, это знание, понятое как истина. А

соответственно, чему противопоставлена эта уверенность? Она противопоставлена понятию «вера». Причем опять же в современном изводе слова «вера».

Ну и это вот понятие трактуется как мнение. Мнение, доминирующее в определенном кругу людей. И события, и всякие там психологические эксперименты 1960-х годов в Америке показали, что человек может с легкостью менять свою уверенность, свою веру исходя из мнения других людей. Есть находящиеся в комнате люди, десять человек, из которых один действительно участвует в эксперименте, остальные – подсадные. И он говорит: «Мячик зеленый». Он видит, что мячик зеленый.

Все остальные говорят: «Он красный». Со временем сомневаются собственно в этой вот уверенности, в том что (оно) – красное. Вера весь двадцатый век потихонечку демонтировалась, просто отходя на позиции вот такого более или менее общепринятого мнения. И вместе с тем происходил еще один очень интересный процесс. Потому что мы привыкли смотреть на какие-то квантовые находки. Ну, может, не все. Но многие смотрят на всю эту квантовую теорию и так далее как на что-то очень современное.

А на самом деле век практически прошел с момента открытия этого всего. Вроде бы мы живем в эпоху торжества науки. При этом при всем мы имеем, например, теорему Курта Гёделя о неполноте, которая там, у Витгенштейна цитируется.

Работает принцип дверных петель: даже для того, чтобы дверь открывалась, одна половина петли должна стоять неподвижно. Если это переводить на язык науки, получается, что для того, чтобы что-то подвергать сомнению, то есть действовать как ученым, нам необходимо иметь вещи несомненные.

А откуда их взять? Они могут взяться, получается, только из веры, потому что опять же мы видим, как опыт, понятый как некая познавательная категория, вовсе не всегда работает.

Это такая ситуация, в которой мы все существуем, в которой мы все оказываемся, когда знание фрагментировано и представления об истине, о правоте структурированы в каких-то таких замкнутых ячейках, где большинство считает так и я считаю так, поэтому это – истина. В рамках вот этой ячейки это так, а в рамках соседней будет по-другому.

В этой ситуации каково место религиозного сознания? Наверное, здесь-то как раз имеет смысл задаться вопросом о том, что мы вообще имеем в виду, когда говорим «бытие»?

Простой пример: представим себе ночной зимний лес, и вот с елки падает шишка, и этого не видит никто, и никто об этом не знает. Эта шиш-

ка не производит никакого звука, не производит никакого эффекта ни на что. Можем ли мы считать падение шишки в этой ситуации каким-то случившимся событием? Событием как совместным бытием вещей?

Была ли эта шишка? Было ли это падение? В ситуации этих всех квантовых открытий оказывается, что она одновременно была, и ее одновременно не было. Помните, бытие зависит от наблюдателя: кот одновременно и жив и мертв. Вот в этой реальности, когда мы не можем сказать, упала ли шишка, ведь этого никто не видел, она никак ни на что не повлияла. Как мы можем построить собственную религиозность, когда мы одновременно или уверены во всем, или не уверены вообще ни в чем.

И вот здесь как раз, на мой взгляд, возникает место для такой особой формы взаимоотношения предмета с бытием, если угодно, которую я бы, наверное, обозначил как **таение**, то есть некая неясность. Кот одновременно жив и мертв. Мы не знаем, падала шишка или нет, и вообще была ли она.

Вот такая форма отношения с бытием, как **таение**, она расплзается от...

На самом деле оказывается, что это не только шишка, упавшая в зимнем ночном лесу, где никто ничего этого не видел. Вот это форма неясности начинает распространяться по всему событийному, по всем событийным цепочкам, которые вообще существуют, и в конечном итоге это нас приводит к тотальной неуверенности вообще в том, что вещи существуют.

Мы оказываемся замкнуты уже даже не в ячейке, где у всех примерно одно и то же мнение, а в ячейке собственного разума. Оказавшись внутри ячейки собственного разума, мы остаемся как раз на один на один с вопросом: «А как нам быть?» Именно «а как нам быть?», и вот тут-то как раз и начинают выстраиваться **новые отношения с Всевышним**. Почему? Потому что всю историю свою христианство (я христианин и говорю прежде всего про христианство) существовала как некая общинная религия, где, например, та же самая литургия понималась как вот то самое событие, совместное бытие, совместное действие множества людей. А сегодня оказывается, что фрагментация сознания человеческого и человеческого бытия тоже влияет на христианство. Христианство больше не является общинной религией. Большинство из нас вообще **захожане**, то есть люди, которые приходят в храм, но как **общину** себя не ощущают.

И, вероятнее всего, вернуться в **общинное состояние** религиозное сознание уже не сможет. Оно уже устроено по-другому. Но при этом это

не говорит о том, что его нет. Мы, наоборот, парадоксальным образом оказываемся в ситуации, о которой собственно сам Христос в писании говорит: «молись в тайне».

Помните, я уже говорил про **таение**, про **тайну**. Что значит **молиться в тайне**? Что значит взаимодействовать с Всевышним в тайне?

Это точка, на мой взгляд, с которой начинается новое религиозное сознание, которое не будет таким, каким оно было до этого. И здесь трудно об этом говорить в каких-то философских логических или теологических категориях. Здесь мне проще опереться на еще одну метафору. Это метафора волка, который в этом же ночном лесу зимнем воет на луну. У волка нет цели. У его воя нет цели. У него есть только причина. То есть почему воет волк?

Да потому что в небе луна. Вот также в современной реальности выглядит общение человека с Богом, причем в данном конкретном случае почти любое его действие (то есть любой творческий акт) можно интерпретировать как молитву. И если с волком всё просто, потому что вот она в небе Луна, то для человека, обращающегося к Богу, нет такого простого предмета, как Луна. Просто человек сложен. Но для человека на самом деле почти любой признак реальности и будет собственно признаком Всевышнего. Ну просто существование любого предмета интерпретируется как чудо, а реакция на этот предмет интерпретируется как **молитва**. То есть в конечном итоге мы оказываемся в ситуации, когда почти любой предмет становится **явным доказательством существования Бога**.